

УДК 902/904, 902.64, 903.023, 903.211.3,
903.223, 903.25, 903.5, 904ББК 63.4(2). 63.444(2), 63.48(2), 63.4-стд1-
27.1, 63.4-стд1-415, 63.4стд1-417, 63.4стд1-6

Дата поступления статьи: 10.09.2023

Дата принятия статьи: 30.09.2023

ПОСЛЕДНИЕ НОСИТЕЛИ МАЗУНИНСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА И СТЫК МАЗУНИНСКОЙ И БАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУР

Александр Анатольевич Красноперов

Удмуртский институт истории, языка и литературы УдМФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия
E-mail: alexander.kaa@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены комплексы, отражающие процесс трансформации мазунинской культуры в бахмутинскую. Перечень относимых памятников и признаков, включаемых в эти названия, принципиально одинаков. К сожалению, весь спор вращается относительно названия – «мазунинская культура» или «бахмутинская культура». Финал мазунинской культуры еще не ясен. Обсуждений конкретных комплексов мне не известно. На правобережье р. Кама мазунинские памятники прекращают существование к концу IV в. Дальнейшее развитие этих древностей происходит на левобережье, где сохраняется традиционный комплекс материальной культуры. Накапливаемые на протяжении V в. инновации приводят к изменению «этнографической» специфики и формированию комплекса бахмутинской культуры. Самой заметной тенденцией является появление новых типов керамики, прежде всего «чандарской». Оснований датировать находки бахмутинских типов ранее V в. нет. Ко второй половине V в. мазунинские черты (предметы: височные подвески) сохраняются лишь в единичных погребениях: Бирск, п. 18, 81, 92, 125, 128. Опорными для датировки являются находки пряжек и двупластинчатых фибул. Хронологическое значение имеет вся трансформация костюмного декора и аксессуаров (появление поясов с двумя наконечниками, обувных наборов, серег, зеркал, развитого комплекса подвесок, бус). Рассмотренные комплексы можно датировать только широко в пределах эпохи, но не ранее середины V в. От мазунинского убora сохранились лишь специфические височные подвески. Эти пять могил уже не принадлежат непосредственно классической мазунинской культуре, комплекс (а не отдельные элементы) которой прекратил бытование в первой половине V, и полностью исчез к середине V в. Постепенный выход из оборота мазунинских украшений позволяет говорить о плавном изменении при сохранении самого населения.

Ключевые слова: Бирский могильник, мазунинская культура, бахмутинская культура, хронология, пряжки, фибулы, зеркала

Цитирование. Красноперов А.А., 2023. Последние носители мазунинского культурного комплекса и стык мазунинской и бахмутинской культур // Уфимский археологический вестник. Т. 23, № 2. С. 242–252. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.2.005>

Благодарности. Я благодарен за существенную помощь и поддержку в работе (музейные коллекции, архивы, обсуждения) С.Л. Воробьевой (Уфа), И.О. Гавритухину (Москва), Э.В. Камалееву (Уфа), Р.Р. Руслановой (Уфа), Е.В. Русланову (Уфа), А.Н. Султановой (Уфа).

UDC 902/904, 902.64, 903.023,
903.211.3, 903.223, 903.25, 903.5, 904
LBC 63.4(2). 63.444(2), 63.48(2), 63.4-стд1-427.1,
63.4-стд1-415, 63.4стд1-417, 63.4стд1-6

Submitted: 10.09.2023

Accepted: 30.09.2023

LAST BEARERS OF MAZUNINO CULTURAL COMPLEX AND JUNCTION OF MAZUNINO AND BAKHMUTINO CULTURES

Alexander A. Krasnopoerov

Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center
of the Ural Branch of the RAS, Izhevsk, Russia. E-mail: alexander.kaa@mail.ru

Abstract. The article reviews complexes that reflect the process of the Mazunino culture transforming into the Bakhmutino culture. On the right bank of the Kama River, the Mazunino monuments cease to exist by the end of the 4th century. Further development of these antiquities occurs on the left bank, where the traditional complex of material culture is preserved. The prevailing types are temple pendants and large oval fibulae. Innovations accumulated throughout the 5th century lead to a change in the “ethnographic” specifics and result in the complex of Bakhmutino culture. Changes are found in set of pendants, the structure of belt sets, the decor of ceramic vessels, and the funeral rite. There is no reason to date finds of Bakhmutino types earlier than the 5th century. By the second half of the 5th century, Mazunino features (objects) are preserved only in single burials: Birsik burial ground, burials number 18, 81, 92, 125, 128. Found buckles and double-plate fibulae are the basis for dating. The entire transformation of costume decor and accessories (belts with two strap-ends, shoe sets, earrings, mirrors, a developed set of pendants, beads) has chronological significance. The considered complexes can be dated only in general terms within the era, but not earlier than the middle of the 5th century. These five graves no longer directly belong to the classical Mazunino culture, the complex (but not particular elements) of

which cease to exist in the 1st half of the 5th century, and completely disappear by the middle of the 5th century. Mazunino decorations slowly leaving the everyday life speaks about slow changes in the same population.

Keywords: Birsk burial ground, Mazunino archeological culture, Bakhmutino archeological culture, chronology, buckles, fibulae, mirror

Citation. Krasnoperov A.A., 2023. Last Bearers of Mazunino Cultural Complex and Junction of Mazunino and Bakhmutino Cultures. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol.23, no.2, pp.242–252. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.2.005>

Acknowledgements. I am grateful for the significant assistance and support for my work (museum collections, archives, discussions, excavations) provided by S.L. Vorobyova (Ufa), I.O. Gavritukhin (Moscow) E.V. Kamaleev (Ufa), R.R. Ruslanova (Ufa), E.V. Ruslanov (Ufa), A.N. Sultanova (Ufa).

Мазунинская культура выделена В.Ф. Генингом [Генинг, 1967], обобщающее исследование выполнено Т.И. Останиной [Останина, 1997]. Им оппонировал Н.А. Мажитов, рассматривавший памятники с мазунинскими типами находок как раннюю часть более продолжительной бахмутинской культуры [Мажитов, 1968].

Собственно, если вчитаться, весь *дальний спор вращается относительно названия* – «мазунинская культура» или «бахмутинская культура» (обзор: [Васюткин, 1971], ситуация не изменилась).¹ Перечень относимых памятников и признаков, включаемых в эти названия, принципиально одинаков. Так, Т.И. Останина называет «мазунинскими» комплексы Бирского могильника V в. [Останина, 1997. С. 107, 108. Табл. 32] и считает керамику со сплошными ямочными наколами по тулому одним из типов мазунинской керамики [Останина, 1997. С. 99. Рис. 48, 49].

Финал мазунинской культуры еще не ясен. Обсуждений конкретных комплексов мне не известно. Мазунинская культура переживает в последней четверти IV в. коллапс – исчезают памятники на правобережье Камы, а население смещается на левый берег (освоенный уже ранее). Дальнейшее развитие типичных «мазунинских» форм украшений происходит в долине р. Белая, а самой заметной тенденцией является появление новых типов керамики, прежде всего «бахмутинской» (примесь песка, в т.ч. очень крупного, в тесте, ямочный орнамент по всему тулому) [Краснoperov, 2020. С. 436, 437; 2022. С. 276].

Основными признаками «чистой» мазунинской культуры являются, прежде всего, височные подвески и бабочковидные фибулы (напр.: [Останина, 1997. Рис. 4, 1–8, 16, 17; 5, 12, 24; 6; 11, 14–36; 12, 6, 30; 13, 1–4, 20, 21; 14, 8, 11, 12, 15, 21, 25; 15, 17; 16, 2].

Оснований датировать находки мазунинских типов позже конца IV века нет. Нет конкретных закрытых комплексов, в которых сочетаются «эт-

нографические» мазунинские и вещи, датированные исключительно развитым V в. Есть немногочисленная группа погребений, которые можно отнести к «концу IV – началу V вв.», – вследствие «длинной хронологии» датирующих предметов. Находки височных подвесок и бабочковидных фибул определенно известны с материалами (пряжки) V в. [Краснoperov, 2022. Рис. 3, E]. Но и в этом случае датировка пряжек «длинная».

Основными признаками «чистой» бахмутинской культуры являются орнаментация керамики сплошными ямками по тулому, погребальный обряд, новые типы бус, подвесок, фибул, топоров, стрел (напр.: [Мажитов, 1968. Табл. 3, 3; 4, 25, 49; 5, 12, 15; 6, 14, 22; 7, 12, 14–16, 21; 8, 11–13; 15, 17; 17, 2, 3, 5, 7; 19, 12, 22]).

Оснований датировать эти находки ранее V в. нет.

Переход был плавным, постепенным, при отсутствии керамики отнести комплекс к конкретной культуре нельзя. Как следствие, приходится оперировать двойственным названием.

Отдельные носители мазунинского комплекса могли жить и позже. Для определения стыка культур особенно важны материалы Бирского могильника, в нескольких погребениях которого отмечены случаи совместных находок «этнографических» мазунинских предметов и вещей, для мазунинской культуры не характерных.² Речь идет о могилах Бирск, п. 18, 81, 92, 125, 128.³

Погребение 18. У черепа сосуд с елочным орнаментом по ребру и жертвенный комплекс с бусами. На теле большой поясной набор с «бельками» (рис. 1).

Погребение 81. В изголовье жертвенный комплекс с бусами, зеркалом, браслетами и височными подвесками мазунинского типа. На поясе ремень с ромбическими накладками и наконечником. Возможно, к нему относится привеска с кольцевой подвеской. На ногах обувные ремешки с пряжками и наконечниками (рис. 2, А).

¹ Развернутая историография к задачам данной статьи не относится. Все обсуждения и комментарии касаются конкретных находок и комплексов.

² Первые наблюдения высказаны в: [Краснoperov, 2007a]. Недавно свои аргументы привел И.О. Гавритухин [Гавритухин, 2022].

³ Бирский могильник – памятник чрезвычайной важности в силу своей «долгой» хронологии: от пьяноборского времени до периода бытования поясных гарнитур агафоновского типа. Решить вопросы (в том числе и из-за огромного объема самого материала) можно только постепенно, разбирая узловые моменты.

Погребение 92. Разрушено. Неподревоженными остались: в изголовье (не в подбоем) – сосуд,⁴ прикрытый костью животного, справа от черепа – концевые накладки лука, слева от черепа – жертвенный комплекс с украшениями (бусы, височные подвески мазунинского типа, браслеты) (рис. 2, Б).

Погребение 125. В ногах кость животного. У черепа серьги и/или височные подвески (с 14-гранником, «харинские», «мазунинские»). На шее 2 гривны и бусы, на запястьях по 2 браслета. В районе талии фибула-брошь и сюльгама,⁵ подве-

ски с выступами. У левого локтя зеркало. По ногам развернут(?) поясной ремень с пряжкой, двумя или тремя наконечниками, ромбическими накладками. На ступнях обувные наборы из пряжек и наконечников (рис. 3).

Погребение 128. На правой бедренной кости кость животного. У изголовья жертвенный комплекс с бусами, цепью и браслетами. На черепе остатки головного убора с бляшками, серьгами с 14-гранником и височными подвесками мазунинского типа. На шее гривна и бусы. В районе талии

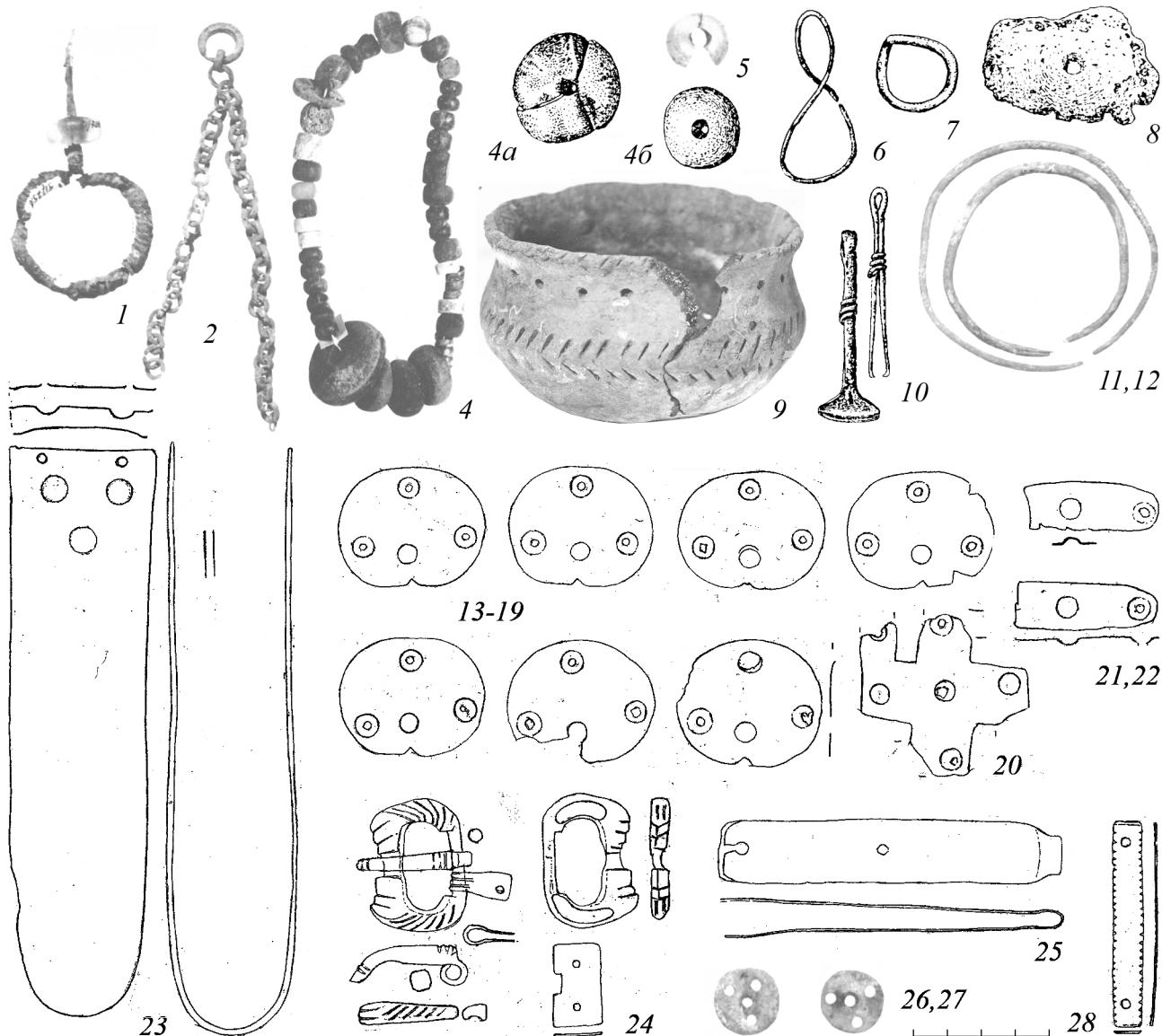

Рис. 1. Бирский могильник, погребение 18. 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12, 26, 27 – [Мажитов, 1959]; 4а, 4б, 6–8, 10 – [Мажитов, 1968. Табл. 2, 8, 12; 12, 9, 10, 12]; остальное – с оригиналов МАЭ УФИЦ РАН (рис. А.А. Красноперова, И.О. Гавритухина)

Fig. 1. Birsk Burial Ground, Burial 18. 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12, 26, 27 – [Mazhitov, 1959]; 4a, 4b, 6–8, 10 – [Mazhitov, 1968. Table 2, 8, 12; 12, 9, 10, 12]; the rest is the originals from the Museum of Archaeology & Ethnography UFRC RAS (Fig. by A.A. Krasnoperov, I.O. Gavritukhin)

⁴ По глиняному сосуду информация противоречива. Н.А. Мажитовым опубликован типичный кушнаренковский сосуд [Мажитов, 1977. Табл. XVIII, 10]. Но в отчете [Мажитов, 1960. Табл. 2, 8, 9] сфотографированы два фрагмента (венчик и стенка) с характерным баумутинским орнаментом (рис. 2, Б-6). В тексте отчета сказано, что фрагменты чандарской керамики найдены в засыпи, кушнаренковский сосуд стоял в подбоем на дне, что подтверждается полевыми фотографиями могилы [Мажитов, 1960. Рис. 13, 14].

⁵ В описании [Мажитов, 1968. С. 102] указано, что обеих найдено по два экземпляра. В отчете и коллекции только по одному.

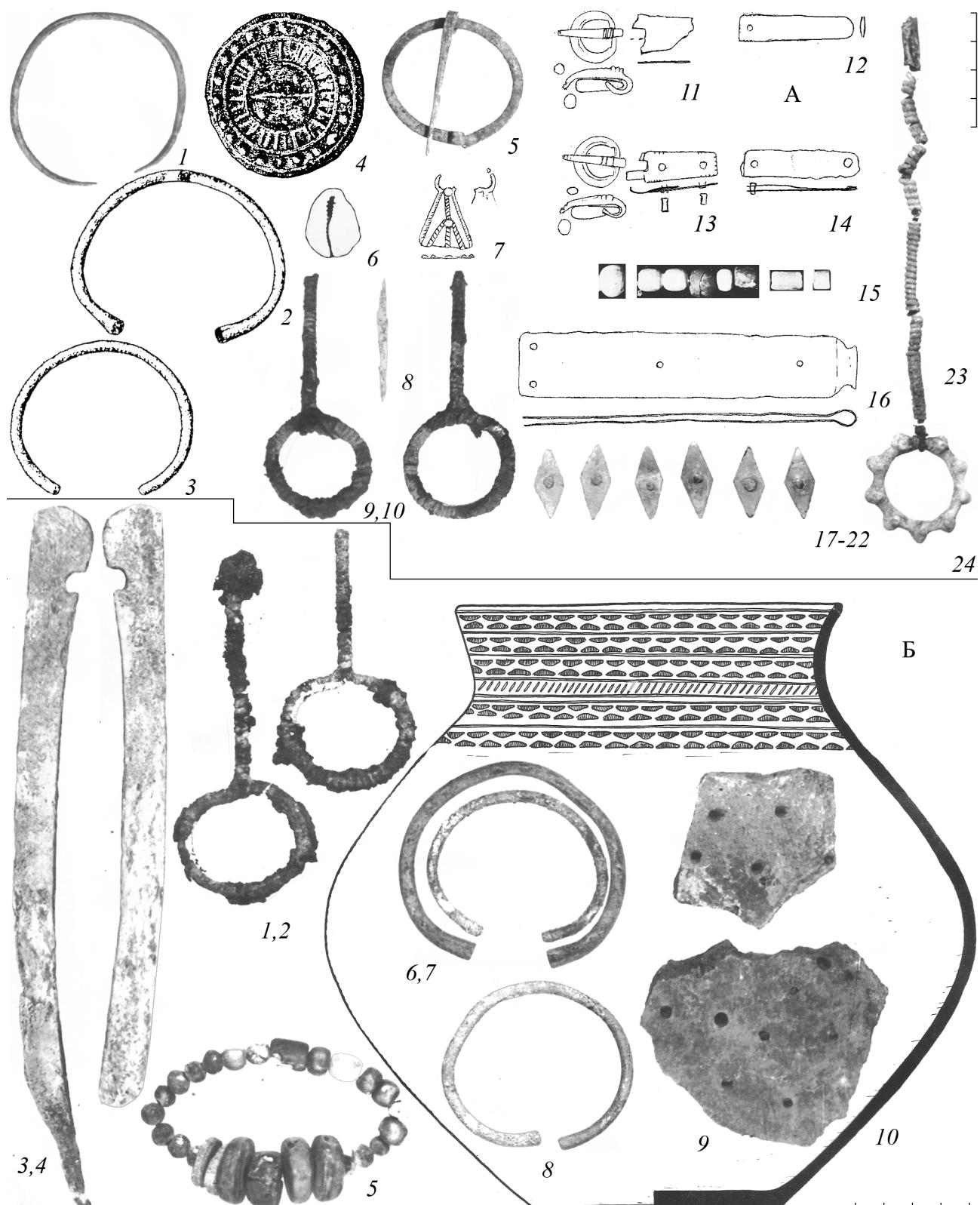

Рис. 2. Бирский могильник. А – погребение 81; Б – погребение 92. А: 1, 5, 6, 8–10, 15, 17–24, Б: 1–9 – [Мажитов, 1960]; Б: 2–4 – [Мажитов, 1968. Табл. 10, 6; 14, 1, 2]; Б: 10 – [Мажитов, 1977. Табл. XVIII, 10]; остальное – с оригиналов МАЭ УФИЦ РАН (рис. автора)

Fig. 2. Birsk Burial Ground. A – Burial 81; B – Burial 92. A: 1, 5, 6, 8–10, 15, 17–24, B: 1–9 – [Mazhitov, 1960]; B: 2–4 – [Mazhitov, 1968. Table 10, 6; 14, 1, 2]; B: 10 – [Mazhitov, 1977. Table XVIII, 10]; the rest is the originals from the Museum of Archaeology & Ethnography UFRC RAS (Fig. by the author)

двупластиначная фибула и подвески с выступами. По тазу и ногам поясной ремень с пряжкой, двумя или тремя наконечниками, ромбическими накладками. У голени топор, на ступнях обувной набор из пряжек и наконечников (рис. 4).

Типология мазунинских височных подвесок (рис. 1, 1; 2, A–9, 10; 2, B–I, 2; 3, 26, 28; 4, 37–39) намечена Т.И. Останиной [Останина, 1997. С. 34, 35], и позже дополнена В.А. Бернц [Бернц, 2006]. Ключевыми характеристиками являются увеличение размеров и техника изготовления (гладкий стержень или перевитые проволоки → обмотка бронзовой проволокой бронзового стержня → обмотка бронзовой проволокой железного стержня).⁶ Эволюционная последовательность выстраивается достаточно надежно, но вопрос абсолютного датирования не разработан. Поздние варианты на железной основе встречаются с пряжками Малашев-П9, но не –П10 и далее.

Височные подвески харинского типа (рис. 3, 13) рассматривались неоднократно. Сводки собраны В.В. Мингалевым [Мингалев, 2006] и С.А. Перевозчиковой [Перевозчикова, 2009]. Распространены в харинских и поздних мазунинских погребениях. Бронзовые экземпляры точно встречаются как с пряжками Малашев-П9, –П10 (Старо-Кабановский, Югомашевский могильники) [Малашев, 2000], так и с пряжками Малашев-ПС2, ПС3.

Серьги с гладким многогранником (Бирск, п. 125, 128) имеют достаточно длительную хронологию [Хайрединова, 2015], но наиболее характерны для развитого гуннского времени, с постепенным затуханием в пост-гуннское время.

Пояса с несколькими наконечниками и ромбическими накладками. Маленькие плоские накладки с центральным отверстием для шпенька, заполняющие всю поверхность ремня, специально рассматривались В.А. Бернц [Бернц, 2015]. Пояса с более чем одним наконечником, предполагающие наличие двух концов – один, основной крепежный, продевавшийся в рамку пряжки, другой, декоративный, свисающий от пояса вниз, выделены мной в самостоятельный тип мазунинских поясов [Красноперов, 2007б]. Это довольно редкая форма, существование которой в других культурах (памятники типа Безводнинского могильника) не отмечено ранее V–VI вв. (без более дробного деления).

Группа поясных наборов с накладками в виде свастики и «бельками», один из которых найден в Бирск, п. 18 (рис. 1, 13–28), требует самостоятельно рассмотрения, но в общих рамках датировка не может выходить за пределы середины V – середины VI вв.

Обувные наборы из пряжки и наконечника.

По форме рамки и язычку пряжки из Бирск, пп. 81, 125, 128 соответствуют типу ПС-3 и датируются первой половиной V в. [Малашев Гаджиев, Ильюков, 2015. С. 100]. В Волго-Уралье щитки таких пряжек более разнообразны [Амброз, 1980. С. 24. Рис. 7].

Наконечники обувных ремешков (Бирск, п. 81, 125, 128) имеют квадратную площадку с насечками по краю и намеченное ребро по центру. Относятся к прототипам наконечников с площадкой и специально рассматривались И.О. Гавритухиным [Гавритухин, Иванов, 1999. Рис. 10, B–17, 18, 27, 29, 30]. Основная серия встречается в комплексах с геральдическими поясами относительно ранних форм, от середины VI в. [Гавритухин, Иванов, 1999. С. 117], а прототипы [Ахмедов, 2007. Рис. 15, 24–26; 18, 4, 5, 10, 11; 23, 6] возникают на основе наконечников гуннского времени [Гавритухин, Иванов, 1999. С. 115] и относятся к V (видимо, ко второй половине) – первой половине VI в.

Крупные дисковидные янтарные бусы (рис. 1, 4; 2, B–3) – частая находка в бахмутинских [Руссланова, 2018] и соседних приуральских (именьковская, кушнаренковская, неволинская, ломоватовская, и др.) памятниках V–VI, возможно, какой-то части VII в., но не исключено, что самые ранние появляются уже с конца IV в., – этот вопрос еще требует подробного рассмотрения.

Бронзовая цепь (Бирск, п. 128) повторяет дорогие золотые и серебряные экземпляры в технике двойной петли⁷ [Засецкая и др., 2007. С. 28–33, 35–37. Рис. 8; Минасян, 2007. С. 155–157]. Цепи четырехгранных сечения распространены в V–VI вв.

Браслеты со змеинymi головками на концах (Бирск, п. 125, 128) в Причерноморье появляются еще на рубеже эр, в средневековье близкие формы распространены на Кавказе [Мастыкова, 2009. С. 67–69. Рис. 59–63]. В Приуралье не известны до средневековья. В мазунинских комплексах не встречаются, часты в бахмутинских могилах, редко – в неволинских [Голдина, Водолаго, 1990. Табл. XXIII, 27, 38, 43]. Браслеты с утолщенными концами (рис. 2, B–6) также в мазунинское время еще не известны.

Малая двупластиначная фибула (Бирск, п. 128) уже далеко типологически отошла от черняховских предшественников. Систематически эта группа до сих пор не изучена, широкая дата может быть предложена в рамках середины V – середины VI вв. [Гавритухин, Астафьев, Богданов, 2019. С. 180. Рис. 7].

Фибула-брошь (рис. 3, 27) индивидуальна. Тип тисненного декора характерен для поясной гарнитуры шиповского круга, но встречается и на

⁶ Существование цельножелезных подвесок предполагается (Тураевский могильник), но недостаточно убедительно в силу сохранности металла.

⁷ Цепи этой группы снабжались наконечниками в виде двойного стержня, образующего петлю, и стержня с крючком с шишечкой на конце. Такой наконечник найден в еще одной могиле – Бирск, п. 419.

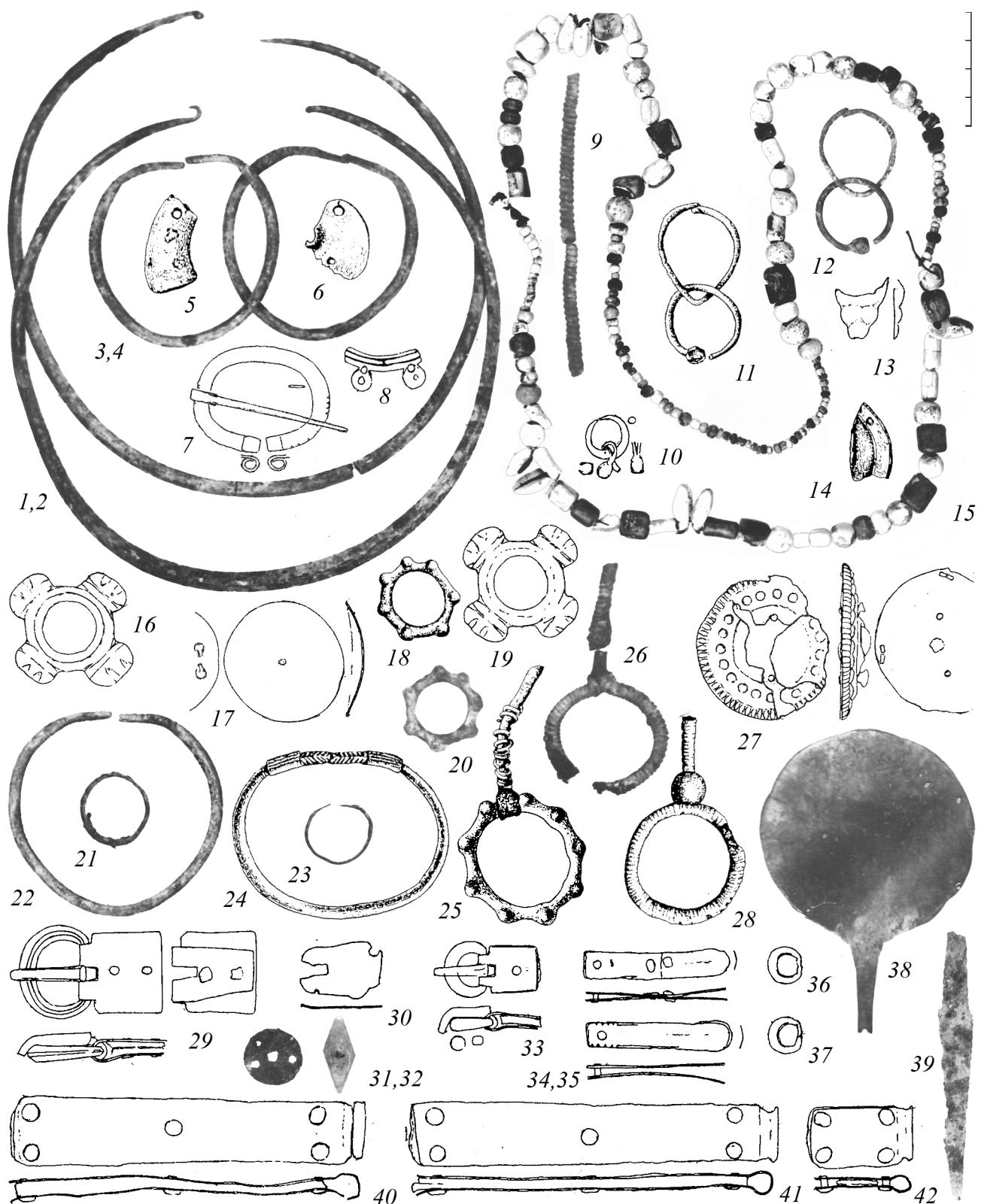

Рис. 3. Бирский могильник, погребение 125. 1–4, 9, 12, 15, 20–22, 26, 31, 32, 38 – [Мажитов, 1960]; 5, 6, 11, 14, 18, 25, 28 – [Мажитов, 1968. Табл. 21, 1, 3, 6, 7, 10, 11, 14]; остальное – с оригиналов НМ РБ (рис. автора)

Fig. 3. Birsk Burial Ground, Burial 125. 1–4, 9, 12, 15, 20–22, 26, 31, 32, 38 – [Mazhitov, 1960]; 5, 6, 11, 14, 18, 25, 28 – [Mazhitov, 1968. Table 21, 1, 3, 6, 7, 10, 11, 14]; the rest is the originals from the Republic of Bashkortostan National Museum (Fig. by the author)

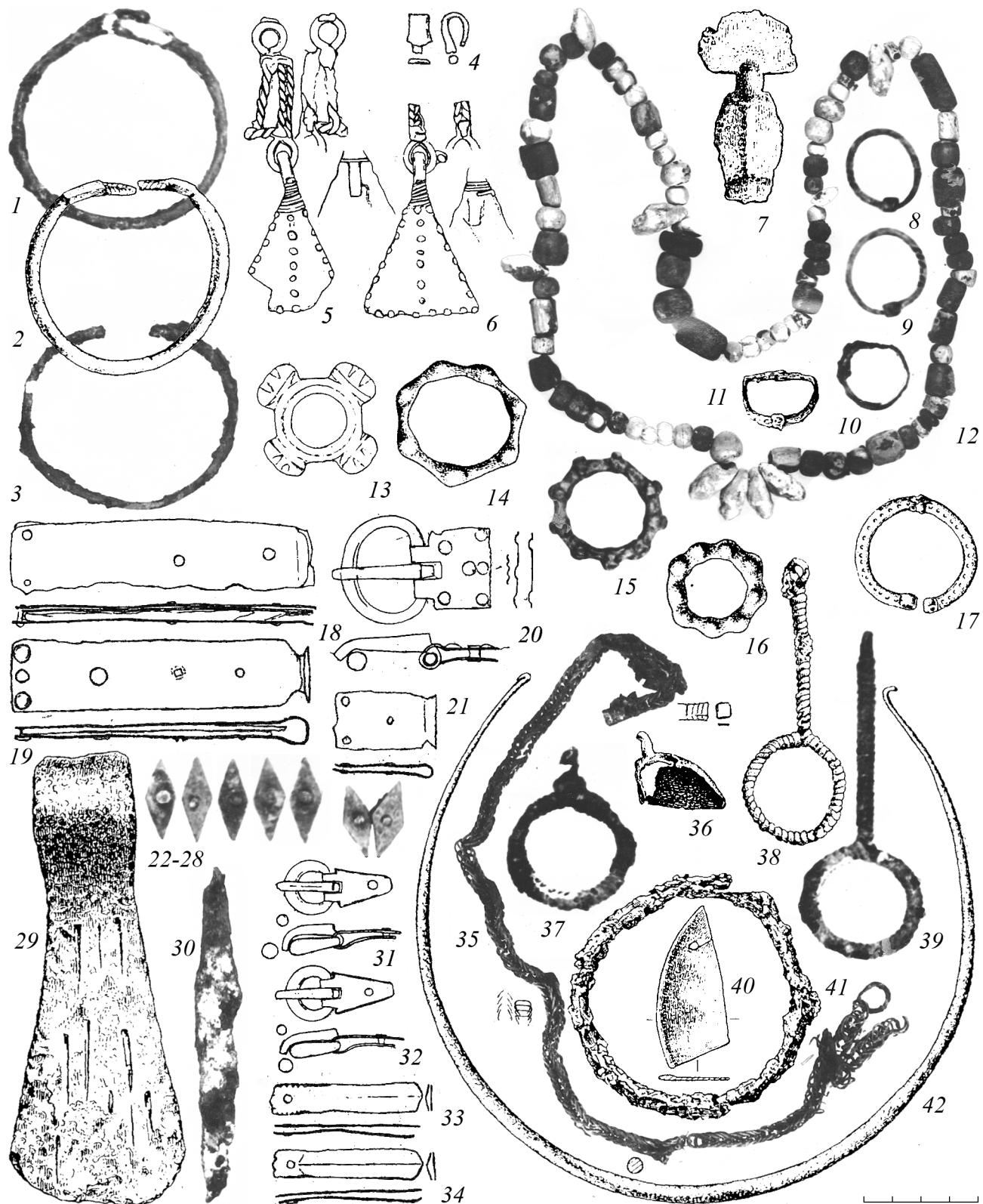

Рис. 4. Бирский могильник, погребение 128. 1, 3, 8–10, 12, 15, 22–28, 30, 35, 39 – [Мажитов, 1960]; 2, 7, 11, 12, 14, 16, 17, 29, 36, 38, 40, 41 – [Мажитов, 1968. Табл. 19, 2, 3, 5–7, 9, 10, 13–15]; остальное – с оригиналов НМ РБ (рис. автора)

Fig. 4. Birsk Burial Ground, Burial 128. 1, 3, 8–10, 12, 15, 22–28, 30, 35, 39 – [Mazhitov, 1960]; 2, 7, 11, 12, 14, 16, 17, 29, 36, 38, 40, 41 – [Mazhitov, 1968. Table 19, 2, 3, 5–7, 9, 10, 13–15]; the rest is the originals from the Republic of Bashkortostan National Museum (Fig. by the author)

накладках двупластинчатых фибул. Видимо, типологически ближайшие экземпляры происходят из Камунты из собрания Б.Дзелихова [Аланский всадник, 2005. №91] и Харбас 1, ск. 1 [Садыков, Курганов, 2016. Рис. 18].

Подвески с выпуклинами и выступами (рис. 2, A–24; 3, 16, 18–20, 25; 4, 13–16) характерны для приуральских культур средневековья (бахмутинская, кушнаренковская, именьковская, неволинская, ломоватовская, поломская, – со своими специфическими вариантами). Работ по их хронологии нет. Определенно можно утверждать, что в IV в. их точно еще нет, появляются только в V в., причем не в ранней части.

Зеркала с гладким плоско-выпуклым диском, большим бортиком-валиком и длинной боковой ручкой-штырем (Бирск, п. 125 и фрагмент в п. 128) распространялись неоднократно в различные эпохи, в том числе и в средневековье [Левина, 1996. С. 229, 230. Рис. 152–155; Лещинская, Пастушенко, 2017].

Зеркало с ячеистым орнаментом (Бирск, п. 81) близко к типам Анке-1/Чми-Бригетию или Анке-2/Березовка, но без полного совпадения. Распространение они получают в гуннское время, и встречаются в пост-гуннское [Мастыкова, 2009. С. 85, 86].

Перечисленные комплексы можно датировать только широко в пределах эпохи, но не ранее середины V в. Большая часть украшений (подвески с «шишечками», подвески/застежки с четырьмя выступами, браслеты, зеркала, серьги, фибулы) характерна для культур периода средневековья, т.е. для комплексов с бахмутинской керамикой и ряда соседствующих культур. От мазунинского убora сохранились лишь специфические височные подвески. Эти пять могил уже не принадлежат непосредственно классической мазунинской культуре, комплекс (а не отдельные элементы) которой прекратил бытование в первой половине V, и полностью исчез к середине V в. Но «бахмутинское население» – это прежнее «мазунинское» в новых хронологических и «модных» реалиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков: Каталог выставки / Авт.-сост. Т.А. Габуев. М.: ГМИНВ, 2005. 74 с.

Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 3–56.

Ахмедов И.Р. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 137–185. (Раннеславянский мир. Вып. 9)

Бернц В.А. К вопросу о традиционных элементах погребального обряда финно-угорского населения эпохи Великого переселения народов удмуртского Прикамья (по материалам Заборинского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов / Гл. ред. Р.Г. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2006. С. 351–389.

Бернц В.А. Пояса с ромбическими накладками (по материалам могильников мазунинского времени на территории Удмуртского Прикамья) // Вестник Пермского университета. История. 2015. Вып. 28(1). С. 70–84.

Васюткин С.М. К дискуссии по бахмутинской культуре // Советская археология. 1971. № 3. С. 91–105.

Гавритухин И.О. Хронология и динамика культур в конце позднесарматского времени и начале эпохи Великого переселения народов // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022. С. 272–316.

Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 99–159. (Archaeologia Permica. Вып. 1)

Гавритухин И.О., Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Фибулы с поселения Каракабак (полуостров Мангышлак) // Поволжская археология. 2019. № 3. С. 170–189. DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2019.3.29.170.189>

Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УрГУ, 1967. С. 7–84. (ВАУ. Вып. 7)

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Иркутский ГУ, 1990. 176 с.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племён Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Издво Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.

Краснопёров А.А. К определению верхней границы и внутренней периодизации мазунинской культуры // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этно-культурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова. Материалы междунар. конф. Уфа: Китап, 2007а. С. 265–275.

Краснопёров А.А. Поясные наборы пьяноборско-мазунинского времени // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Материалы

I Всеросс. науч. конф. Сыктывкар, 25–28 сентября 2007 г. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2007б. С. 92–101.

Красноперов А.А. Финал мазунинских памятников на правоборежье Камы // Экология древних и традиционных обществ: Материалы VI Междунар. науч. конф. Вып. 6. Тюмень, 2–6 ноября 2020 г. Тюмень: ТюмНЦ СО РАН, 2020. С. 435–437. DOI: <https://doi.org/10.20874/978-5-89181-072-3>

Красноперов А.А. «Внедрение в мазунинскую культуру тураевско-харинских групп»: к дефиниции типов // Уфимский археологический вестник. 2022. Т. 22. № 2. С. 269–282. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.008>

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э.–I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература, 1997. 396 с.

Лещинская Н.А., Пастушенко И.Ю. Раннесредневековые бронзовые зеркала Камско-Вятского междуречья: истоки и пути поступления // *Stratum Plus*. 2017. № 5. С. 99–112.

Мажитов Н.А. Научный отчет об исследованиях археологической экспедиции ИИЯЛ в 1959 г. в северных р-нах Башкирии // Архив ИА РАН. Р–1. № 2005а.

Мажитов Н.А. Научный отчет об археологических исследованиях ИИЯЛ в Бирском, Покровском, Нуримановском р-нах БАССР за 1960 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 2105а.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 164 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов н/Д.: Гефест, Терра, 2000. С. 194–232. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1)

Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.

Минасян Р.С. Технические особенности ювелирных изделий из Морского Чулека // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племён Северного Причерноморья в постгунинскую эпоху. СПб.: Издво Гос. Эрмитажа, 2007. С. 147–158.

Мингалев В.В. Калачиковидные серьги харинского типа // Оборинские чтения. Материалы регионарной археологической конф. Вып. 4. Пермь, 2006. С. 52–57.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Перевозчикова С.А. Калачиковидные украшения на территории Евразии в 1 пол. I тыс. н.э. // Вестник ЧелГУ. История. 2009. Вып. 36. С. 39–50.

Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII вв. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. 376 с.

Садыков Т.Р., Курганов Н.С. Подземные склепы памятника Харбас 1 в Приельбрусье // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Невская книжная типография. 2016. С. 205–220. (Труды ИИМК РАН. Т. 46)

Хайрединова Э.А. Серьги с литым неподвижным многогранником из Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XX / Отв. ред. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. Симферополь: Таврия, 2015. С. 95–132.

REFERENCES

- Alan Horsman. Treasures of Dukes of 1st-12th Centuries.* Exhibition catalog, GMINV, Moscow, 74 p. (In Russ.)
- Ambrose, A.K. 1980, “Birsk Burial Ground and Issues of Chronology of the Urals in 4th–7th Centuries”, *Srednevekovye drevnosti evraziyskikh stepey* (“Medieval Antiquities of the Eurasian Steppes”), Nauka, Moscow, pp. 3–56. (In Russ.)
- Akhmedov, I.R. 2007, Culture of Ryazan-Oka Burial Grounds. Inventory of Male Burials, *Vostochnaya Evropa v seredine pervogo tysyacheletiya n.e.* (“Eastern Europe in the Middle of the 1st Millennium AD”), IA RAN, Moscow, pp. 137–185. (In Russ.)
- Bernts, V.A. 2006, “On Issue of Traditional Elements of Finno-Ugric Funeral Rite during Great Migration of Peoples of Udmurt Kama region (based on materials from the Zaborinsky soil burial ground)”, *Vzaimodeystvie narodov Evrazii v epokhu Velikogo pereseleniya narodov* (“Interaction of Peoples of Eurasia during the Great Migration of Peoples”), UdGU, Izhevsk, pp. 351–389. (In Russ.)
- Bernts, V.A. 2015, “Belts with rhombik elements (based on the materials of the mazunino cemeteries in Udmurt Kama region)”, *Perm University Herald. History*, iss. 28(1), pp. 70–84. (In Russ.)
- Vasyutkin, S.M. 1971, “On Discussion on Bakhmutino Culture”, *Sovetskaya Arkheologiya*, no. 3, pp. 91–105. (In Russ.)
- Gavritukhin, I.O. 2022, “Chronology and Dynamics of Cultures at the end of the Late Sarmatian Period and the Beginning of the Great Migration of Peoples”, *Arkheologiya Volgo-Uralya. V 7 t. T. 4. Epokha Velikogo pereseleniya narodov* (“Archeology of Volga-Ural Region. In 7 Vols. Vol. 4. Era of the Great Migration of Peoples”), AN RT, Kazan, pp. 272–316. (In Russ.)

- Gavrituhin, I.O., Ivanov, A.G. 1999, "Burial 552 of Varni Burial Ground and Some Issues of Studying Early Medieval Cultures of Volga Region", *Permskiy mir v rannem srednevekovye (Archaeologia Permica. Vyp 1)* ("Perm World in Early Middle Ages (Archaeologia Permica. Iss. 1)"), UIIYaL UrO RAN, Izhevsk, pp. 99–159. (In Russ.)
- Gavritukhin, I.O., Astafiev, A.E., Bogdanov, E.S. 2019, "Fibulae from the Settlement Karakabak (Mangystau Peninsula)", *The Volga River Region Archaeology*, no. 3(29), pp. 170–189. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2019.3.29.170.189>
- Gening, V.F. 1967, "Mazunino culture in the Middle Kama region", *Pamyatniki mazuninskoy kultury*, ("Archaeological sites of the Mazunino culture"), USU, Izhevsk, Sverdlovsk, pp. 7–84. (In Russ.)
- Goldina, R.D., Vodolago, N.V. 1990, *Burial Grounds of the Nevolin Culture in the Urals*. Irkutsk GU, Irkutsk, 176 p. (In Russ.)
- Zaseckaya, I.P., Kazanskij, M.M., Ahmedov, I.R., Minasyan, R.S. 2007, *Morskoy Chulek: Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ih mesto v istorii plemyon Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epohu*, Publishing House of the State Hermitage Museum, Saint Petersburg, pp. 12–82. (In Russ.)
- Krasnoperov, A.A. 2007a, "To Definition of Upper Boundary and Internal Periodization of Mazunin Culture", *Formirovanie i vzaimodeystvie uralskikh narodov v izmenyayushcheysha etnokulturnoy srede Evrazii: problemy izucheniya i istoriografija. Chteniya pamjati K.V. Salnikova. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* ("Formation and Interaction of Ural Peoples in Changing Ethno-Cultural Environment of Eurasia: Problems of Study and Historiography. Readings in Memory of K.V. Salnikov. Proceedings of International Conference"), Kitap, Ufa, pp. 265–275. (In Russ.)
- Krasnoperov, A.A. 2007b, "Belt Sets of Pyany-Bor-Mazunino Time", *Permskie finny: arkheologicheskie kultury i etnosi. Materialy Pervoy Vserossijskoy nauchnoy konferentsii. Syktyvkar, 25–28 sentyabrya 2007g.* ("Perm Finns: Archaeological Cultures and Ethnoses. Materials of 1st All-Russian Research Conference. Syktyvkar, September 25–28, 2007"), IYaLI KNC UrO RAN, Syktyvkar, pp. 92–101. (In Russ.)
- Krasnoperov, A.A. 2020, "The problem of «final» of the mazunino archaeological culture on the right bank of the Kama river", *Ekologiya drevnih i tradicionnyh obshchestv: Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii Vyp. 6. Tyumen'*, 2–6 noyabrya 2020g. ("Ecology of Ancient and Traditional Societies: Materials of the VI International Scientific Conference. Iss. 6. Tyumen, November, 2–6, 2020"), TyumNC SO RAN, Tyumen, pp. 435–437. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20874/978-5-89181-072-3>
- Krasnoperov, A.A., 2022. «Introduction of the Turaev-Kharino-types groups into the Mazunino culture: to the definition of types. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik*. Vol. 22, no. 2, pp. 269–282. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.008>
- Levina, L.M. 1997, *Ethnocultural history of East Priaralje in 1st millennium BC – 1st millennium AD. Vostochnaya literatura*, Moscow, 396 p. (In Russ.)
- Leshchinskaya, N.A., Pastushenko, I.Yu. 2017, "Early Medieval Bronze Mirrors of the Kama-Vyatka Interflue: sources and routes of import", *Stratum Plus*, no. 5, pp. 99–112. (In Russ.)
- Mazhitov, N.A. *Scientific Report on Research of IIYaL Archaeological Expedition in 1959 in Northern Regions of Bashkiria*. Archive of IA RAN, R-1, no. 2005a. (In Russ.)
- Mazhitov, N.A. *Scientific Report on Archaeological Research of IIYaL in Birsky, Pokrovsky, Nurmanovsky Districts of BASSR for 1960*. Archive of IA RAN, R-1, no. 2105a. (In Russ.)
- Mazhitov, N.A. 1968, *Bakhmutinskaya culture. Ethnic history of the population of the Northern Bashkiria in the 1st millennium AD*. Nauka, Moscow, 164 p. (In Russ.)
- Mazhitov, N.A. 1977, *The Southern Urals in the 7th – 14th centuries*. Nauka, Moscow, 240 p. (In Russ.)
- Malashev, V.Y. 2000, "Periodization of Belt Sets of Late Sarmatian Time", *Sarmaty i ikh sosedni na Donu* ("Sarmatians and Their Neighbors on Don"), pp. 194–232. (In Russ.)
- Malashev, V.Y., Gadzhiev, M.S., Ilyukov, L.S. 2015, *The Country of Maskuts in Western Caspian Sea. Burial Mounds of Caspian Dagestan 3^d–5th Centuries*. Mavraev, Makhachkala, 452 p. (In Russ.)
- Mastykova, A.V. 2009, *Female costume of the Central and Western Ciscaucasia in the late 4th – midd-6th centuries*, IA RAN, Moscow, 502 s. (In Russ.)
- Minasyan, R.S. 2007, "Technical characteristics of the jewelry from the Morskoy Chulek", *Zaseckaya I.P., Kazanskij M.M., Ahmedov I.R., Minasyan R.S. Morskoy Chulek: Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ih mesto v istorii plemyon Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epohu* ("Zasetskaya I.P., Kazansky M.M., Akhmedov I.R., Minasyan R.S. Morskoy Chulek: Burials of the nobility from the Sea of Azov region and Their Place in the History of Tribes from the North Black Sea Coast in the Post-Hun Epoch"), Publishing House of the State Hermitage Museum, Saint Petersburg, pp. 147–158. (In Russ.)
- Mingalev, V.V. 2006, "Kalachi-Form Earrings of Kharino Type", *Oborinskie chteniya. Materialy regional'nyh archeologicheskikh konferencij* ("Oborin readings. Materials of regional archaeological conferences"), iss. 4, Perm, pp. 52–57.
- Ostanina, T.I. 1997, *Population of Middle Kama Region in 3rd–5th Centuries*. UIIYaL UrO RAN, Izhevsk, 327 p. (In Russ.)
- Perevozchikova, S.A. 2009, "Kalachi-Form Adornments in Eurasia in 1st Half of the 1st Millennium AD", *Bulletin of Chelyabinsk State University. History*. Vol. 36, pp. 39–50. (In Russ.)
- Ruslanova, R.R. 2018, *Beads of the Southern Urals regions, based on the assemblages from necropolises of the 3rd – 8th centuries*. Bashkirskaya enciklopediya, Ufa, 376 p. (In Russ.)
- Sadykov, T.R., Kurganov, N.S. 2016, "Underground burial vaults of Harbas 1 in the Elbrus region",

Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zahoroneniya i ogrableniya (“Ancient cemeteries and settlements: post-burial rites, symbolic interments, and grave plundering”), IIMK RAN, Nevsky book printing house, St. Petersburg, pp. 205–220. (In Russ.)

Hayredinova, E.A. 2015, “Earrings with a Cast Immobile Polyhedron in the Crimea”, *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* (“Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria”), vol. XX, Tavria, Simferopol, pp. 95–132. (In Russ.)

Сведения об авторе

Александр Анатольевич Красноперов, кандидат исторических наук, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Российская Федерация, г. Ижевск. E-mail: alexander.kaa@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7931-4536

Information About the Author

Aleksandr A. Krasnoperov, Ph.D., Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS, Russian Federation, Izhevsk. E-mail: alexander.kaa@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7931-4536